

08.00.00 – Экономические науки Economics

УДК 330.341.42:338.45.01

ВАК 08.00.01

Новая структурная политика и изменение институциональной динамики наноиндустрии

Солодовников С. Ю.¹

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Согласование структурной политики Беларуси и Армении в контексте модернизации реального сектора экономики», договор с БРФФИ № Г17АРМ-001 от 01 июня 2017 г.

В статье выявлена взаимосвязь новой структурной политики государства и изменения институциональной динамики наноиндустрии, что позволило сделать вывод о необходимости формирования новой структуры народного хозяйства, основой которой должен стать сверхиндустриальный промышленный уклад. Определены мероприятия, которые надо системно реализовать для создания оптимальных условий реализации этой модели в Республике Беларусь.

Ключевые слова: *структурная политика, экономический рост, инновационное развитие, научно-техническая революция.*

New structural policy and institutional change in the nanoindustry Solodovnikov S. Yu.

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

The article reveals the relationship between the new structural policy of the state and changes in the institutional dynamics of the nanoindustry, which made it possible to draw a conclusion about the need to form a new structure of the national economy, the basis of which should be the super-industrial industrial structure. There are defined the measures, that need to be systematically implemented to create optimal conditions for the implementation of this model in the Republic of Belarus.

Keywords: *structural policy, economic growth, innovative development, scientific and technological revolution.*

Современная структурная политика в контексте технологической модернизации экономики должна исходить, как справедливо подчёркивают С. Губанов [1], Д. Фролов, И. Полынцев [2], из реалистичного системного анализа тенден-

¹ Солодовников Сергей Юрьевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, solodovnicov_s@tut.by.

ций развития современных индустрий. «Особенно это касается наиболее динамично развивающихся высокотехнологичных индустрий, обладающих потенциалом утверждения в качестве «ядра» неоиндустриального хозяйства» [2, с. 27]. Для успешной реализации современной структурной политики необходимо наличие и оптимальное сочетание таких важнейших экономических ресурсов, как: человеческий капитал, социальный капитал, финансовый капитал и материально-вещественный капитал. Все названные формы капитала одинаково важны для проведения новой индустриализации, но в различные периоды может наблюдаться нехватка (дефицит) какого-либо из них. Соответственно, и экономическая эффективность добавления этого фактора будет возрастать. При этом в ряде случаев несколько из названных видов капитала могут одновременно существовать в рамках одной бытийной формы (одного социально-экономического явления). Например, социально-экономическое сообщество является одновременно формой расширенного воспроизводства человеческого и социального капиталов.

Современная структурная политика формируется в условиях глубокого кризиса наноиндустрии [2, с. 27–37]. Д. Фролов и И. Полынцев подчёркивают, что «осмысление причин и последствий кризиса наноиндустрии позволит конструктивно скорректировать стратегию её развития и политику регулирования» [2, с. 27], что позволит скорректировать структурную политику и оптимизировать использование бюджетных ресурсов, направляемых на НИОКР.

Напомним, что «импульсом глобального развития наноиндустрии стало утверждение о начале в 2000 г. президентом США Б. Клинтонем первой в мире государственной стратегии в области нанотехнологий – национальной нанотехнологической инициативы» [2, с. 27]. США направили колоссальные ресурсы на финансирование этой стратегии, которые к 2017 г. составили более 24 млрд долл. США [3, с. 25]. В национальной нанотехнологической инициативе «был озвучен прогноз объёма мирового рынка продукции наноиндустрии – 1 трлн долл. К 2015 г. Главным эффектом перспективы «триллионного рынка» для нанотехнологий стала боязнь правительств во всем мире пропустить новую технологическую революцию и дать США возможность глобального доминирования в сфере инноваций. Этого было достаточно, чтобы породить сначала в развитых, а затем и развивающихся странах множество стратегических действий по развитию нанотехнологий» [2, с. 27]. В результате «в мире начинается научное соревнование за достижение передовых позиций в нанотехнологиях. Остроту ситуации характеризует стремление США не просто лидировать, а доминировать на этом направлении науки» [4, с. 2]. Д. Фролов и И. Полынцев отмечают, что в результате этого «в большинстве стран были приняты стратегии и программы развития нанотехнологий по аналогии с НИИ (*национальной нанотехнологической инициативой* – прим. автора). В результате совокупный объём государственных и частных инвестиций, связанные с нанотехнологиями и наноматериалами исследования и разработки, неуклонно увеличивался. Так, в период 1997–2004 гг. данный показатель вырос в 20 раз – с 0,4 до 8,6 млрд долл.» [2, с. 27]. Названные авторы для характеристики этой ситуации приводят в своей работе высказывание американских учёных [5, 6] о том, что «к середине 2000-х гг. конкуренцию стран в сфере наноиндустрии с полным основанием можно было охарактеризо-

вать как «наногонку», сравнимую с «лунной гонкой» 1960-х гг. и представляющую собой превращённую в форму «гонки вооружений» в мирное время» [2, с. 27]. За десять лет после принятия национальной нанотехнологической инициативы правительства во всем мире инвестировали в нанотехнологии свыше 65 млрд долл. [2, с. 28]. «В 2010 г. инвестиции частных компаний впервые превысили вложения со стороны государств: если в 2009 г. корпорации и правительства во всем мире инвестировали в наноиндустрию по 8,4 млрд долл., то в 2010 г. частный бизнес вложил уже 9 млрд долл., а государственные расходы составили 8,2 млрд долл. По состоянию на 2010 г. лидерами корпоративных инвестиций в сферу нанотехнологий выступали США, Япония и Германия, при этом Россия заняла последнее место в данном рейтинге» [2, с. 28].

На этом фоне возникают *сверхоптимистичные* прогнозы объёмов рынка наноиндустрии «в триллионном измерении, от 1 до 4,4 трлн долл. (Lux Research, National Scientific Foundation, Cientifica, RNCOS)» [2, с. 28], *умеренно-оптимистичные* прогнозы исчисляют объём рассматриваемого рынка в сотнях миллиардов долларов, от 148 до 750 млрд долл. (European Commission, Wintergreen, MRI, Evolution Capital) и *пессимистичные* (или реалистичные по определению BCC Research) прогнозы измеряют объём данного рынка десятками миллиардов долларов, от 64,2 до 75,8 млрд долл. (BCC Research, Research and Markets)» [2, с. 28–29].

Д. Фролов и И. Полынцев объясняют такой широкий разброс оценок тем, что: во-первых, «речь идёт о рынке быстро развивающейся технологии широкого применения, потенциал которой фактически ещё не раскрыт окончательно даже на уровне фундаментальных исследований» [2, с. 29], во-вторых, «в оптимистичных прогнозах учитывается совокупная стоимость продукции, произведённой с применением нанотехнологий и наноматериалов, а не стоимость самих нанотехнологий и наноматериалов, что приводит к завышенным оценкам рынка» [2, с. 29], в-третьих, увлечением многих учёных «построением описательных моделей будущей экономики, основанной на нанотехнологическом укладе, тяготеющих к утопическим или апокалиптическим сценариям. Например, по мнению некоторых исследователей, развитие VI технологического уклада, базирующегося на нанотехнологиях (по классификации С. Глазьева), приведёт к возникновению эффекта экономической сингулярности, вследствие которой нанотехнологии проникнут во все виды технологий и фактически поглотят их, а наноиндустрия включит в себя все ранее известные индустрии» [2, с. 30].

М. Кастельс в своё время предупреждал об опасности субъективных завышенных оценок развития новейших комплексных технологий, подчёркивая при этом: «Существенно, таким образом, сохранять дистанцию между оценкой возникновения новых социальных форм и процессов, индуцированных и допускаемых новыми технологиями, и экстраполяцией потенциальных последствий таких событий для общества и людей: только конкретный анализ и эмпирические наблюдения смогут определить исход взаимодействия между новыми технологиями и возникающими социальными формами» [7, с. 78]. Используя эту идею М. Кастельса применительно к развитию наноиндустрии, Д. Фролов и И. Полынцев отмечают: «Как утопические, так и алармистские сценарии развития наноиндустрии достаточно быстро оказались опровергнуты объективной реальностью»

[2, с. 30]. Сегодня «сверхоптимистичные ожидания инвесторов (*по поводу развития наноиндустрии* – прим. автора) по большому счёту не оправдались: индексы нанотехнологических компаний отстают от обычных фондовых индексов, ушла в прошлое мода на добавление приставки «нано» в названия стартапов, интерес общества к нанотехнологиям резко упал, а результатами исследований и разработок в области нанонауки и наноинженерии активно пользуются корпорации, не позиционирующиеся в качестве представителей наноиндустрии <...> По сути, нанотехнологии как радикальная инновация выразились в многочисленных улучшающих изменениях в уже сложившихся отраслях экономики» [2, с. 30–31]. «Снижение инвестиционной привлекательности наноиндустрии, – подчёркивают Д. Фролов и И. Полынцев, – видно по динамике специализированных биржевых индексов» [2, с. 31]. Эти авторы также добавляют, что «многие предприятия наноиндустрии, вышедшие на фондовый рынок в начале и середине 2000-х гг., снизили свою капитализацию в десятки раз» [2, с. 32].

Всё это требует в структурной политике отказаться от адресной специализированной модели наноиндустрии и перейти к «зонтичным стратегиям развития наноиндустрии в составе комплексных технологических направлений, например развивающихся (*emerging*) технологий или STI (наука, технологии и инновации; от англ. *Science, Technology and Innovation*), а также к секторно и проблемно ориентированным стратегиям развития нанотехнологий в рамках более широких стратегий устойчивого роста или развития промышленности» [2, с. 33]. По нашему мнению, следует согласиться с Д. Фроловым и И. Полынцевым в том, что предположение о том, что ядром нового технологического уклада станут нанотехнологии, не оправдалось [8–10]. «Вопреки подавляющему большинству прогнозов, нанотехнологии не поглотили все остальные быстро развивающиеся технологии, а, по сути, «растворились» в них. Наноиндустрия не стала «ядром» нового уклада и де-факто не сложилась как отдельная индустрия. Хотя наноиндустрия не относится к так называемым быстро развивающимся индустриям (*emerging industries*), таким как большие данные (*big data*), биофармацевтика, мобильные технологии и др., анализ показывает, что нанотехнологии тесно связаны с этими индустриями и выступают для них обеспечивающей, инфраструктурной технологией» [2, с. 35–36].

Таким образом, сущность и особенности современной структурной политики в контексте технологической модернизации экономики заключается не в создании наноиндустрии, а в осуществлении новой индустриализации, в том числе и с использованием нанотехнологий, обеспечивающих развитие и повышение конкурентоспособности традиционных и новых индустрий.

При этом предпосылками и объективными ограничителями проведения современной структурной политики по-прежнему выступает состояние и перспективы развития социально-научного сообщества. В. Фельцман справедливо заметил: «НИОКР в своём развитии высоко инерционен. Можно предположить, что полный цикл его обновления кратен смене поколений конструкторов и исследователей и составляет 40–45 лет. Поэтому экономический кризис 1990-х гг. (*в Российской Федерации* – прим. автора) хотя и нанёс существенный урон <...> не оказался для него фатальным» [11, с. 19]. Инерционность научных и инженерных кад-

ров, обеспечивающих НИОКР (а без последней невозможно проведение современной структурной политики), не решает проблемы их расширенного воспроизводства, хотя и может создавать условия для откладывания этой проблемы на более поздний период. В последнем случае латентные проблемы этого «отложенного» воспроизводства ведут к серьёзным рискам при проведении структурной политики, которые могут в любой момент привести к катастрофическим последствиям. Актуализация сегодня проблемы расширенного воспроизводства социально-научного сообщества связана не только с теми обстоятельствами, которые лежат на поверхности явлений и потому очевидны (например, старение научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, снижение престижности научного труда, проблемы подготовки кадров высшей квалификации и т. д.), но и с более глубокими обстоятельствами, которые не всегда очевидны, но ещё более опасны – это, прежде всего, снижение социального капитала науки; устойчивая тенденция к «автаркии» научного воспроизводства и угроза потери тех возможностей, которые были в рамках СССР и служили подпиткой как для развития старых, так и возникновения новых научных и инженерных школ; преобладание эмпирически очевидных подходов при принятии управленческих решений на государственном уровне и т. д. Таким образом, современная структурная политика должна быть обеспечена стратегией расширенного воспроизводства социально-научного сообщества, кадрового и идеологического обеспечения НИОКР.

Статья поступила 20.03.2018

Список литературы

1. Губанов С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // *Экономист*. М. : Экономист, 2016. № 2. С. 3–10.
2. Фролов Д., Польшцев И. Кризис наноиндустрии и её будущее // *Экономист*. М. : Экономист, 2017. № 5. С. 27–37.
3. The National Nanotechnology Initiative: Supplement to the President's 2017 Budget [Электронный ресурс]// National Science and Technology Council, 2016. Режим доступа: http://eprints.internano.org/2355/1/nni_fy17_budget_supplement.pdf.
4. Арский Ю. М. От редакционной коллегии // *Индустрия наносистем и наноматериалов*. 2007. № 1. С. 2.
5. Hullman A. Who is winning the global nanorace? // *Nature Nanotechnology*. 2006. № 1. P. 81–83.
6. Nanomanufacturing: Emergence and Implications for U.S. Competitiveness, the Environment, and Human Health. Report to Congressional Requesters// United States Government Accountability Office, 2014. P. 22.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана; Гос. ун-т. высш. шк. экономики. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
8. Глазьев С. Ю. [и др.]. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике : монография / под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитонова. М. : Тривант, 2009. 304 с.
9. Глазьев С. Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике // *Международная экономика*. 2010. № 5. С. 5–27.

10. Иншаков О. В., Фесюн А. В. Индустрия как форма утверждения, распространения и господства хозяйственного уклада в экономике // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3: Экономика, экология. 2014. № 2. С. 44–53.

11. Фальцман В. Подвижки 2000-х гг. в отраслях и технологиях // Экономист. М. : Экономист, 2017. № 5. С. 16–26.

List of reference

1. Gubanov, S., “On the economic model and long-term strategy of Russia's new industrialization”, *Economist*, Moscow : Economist, 2016, no. 2, pp. 3–10.

2. Frolov, D., Polyncey, I., “The crisis of the nanotechnology industry and its future”, *Economist*, Moscow : Economist, 2017, no. 5, pp. 27–37.

3. The National Nanotechnology Initiative: Supplement to the President’s 2017 Budget, *National Science and Technology Council*, 2016, Access mode: http://eprints.internano.org/2355/1/nni_fy17_budget_supplement.pdf.

4. Arskij, Yu. M., “From the editorial Board”, *Industry of nanosystems and nanomaterials*, 2007, no. 1, p. 2.

5. Hullman, A., “Who is winning the global nanorace?”, *Nature Nanotechnology*, 2006, no. 1, pp. 81–83.

6. “Nanomanufacturing: Emergence and Implications for U.S. Competitiveness, the Environment, and Human Health. Report to Congressional Requesters”, *United States Government Accountability Office*, 2014, p. 22.

7. Kastel's, M., *Information age: economy, society and culture*, translation from English. under the science. ed. O. I. SHkaratana, Moscow : State University of higher school of Economics, 2000, 606 p.

8. Glaz'ev, S. Yu., et al, *Nanotechnology as a key factor in the new technological order in the economy*, monograph, under the editorship S. Yu. Glaz'ev, V. V. Haritonova, Moscow : Trovant, 2009, 304 p.

9. Glaz'ev, S. Yu., “New technological way of life in the modern world economy”, *International economics*, 2010, no. 5, pp. 5–27.

10. Inshakov, O. V., Fesyun, A. V., “Industry as a form of approval, distribution and domination of economic order in the economy”, *Science journal of Volgograd state University. Ser. 3: Economics, ecology*, 2014, no. 2, pp. 44–53.

11. Fal'cman, V., “Developments of the 2000s in industries and technologies”, *Economist*, Moscow : Economist, 2017, no. 5, pp. 16–26.